

**НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ А. П. КЕРН
(ЗАПИСЬ П. В. АННЕНКОВА)**

(ПУБЛИКАЦИЯ С. В. БЕРЕЗКИНОЙ)

Воспоминания о Пушкине Анны Петровны Керн, урожд. Полторацкой, во втором браке Марковой-Виноградской, хорошо известны пушкинистам: это «Воспоминания о Пушкине», «Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке», «Дельвиг и Пушкин», письмо к П. В. Анненкову о кончине П. А. Осиповой (все 1859 года), которые давно уже вошли во все сборники мемуаров о поэте, и в частности в последний из них, выдержавший (с 1974 года) три издания.¹ Своего рода дополнением к нему служит издание мемуарно-эпистолярного наследия Керн (Марковой-Виноградской).² И тем не менее это не все. В пушкинском фонде ИРЛИ хранится листок,³ о котором знали многие пушкинисты, передавая друг другу некоторые подробности из того, что в нем написано, но который никто так и не решился напечатать. Появился этот листок уже после 1859 года, когда А. П. Керн, побуждаемая П. В. Анненковым, первым биографом поэта, писала все свои воспоминания о Пушкине. Мы датировем запись ее рассказа «О михайловской жизни» второй половиной 1860-х—началом 1870-х годов. Анненков использовал эту запись, конечно же в сглаженной форме, в своей книге «Пушкин в Александровскую эпоху», появившейся в 1874 году. Это говорит о том, что он с полным доверием отнесся к сообщению Керн об отношениях Пушкина с обитательницами Тригорского. Сразу же напомним, что Керн приходилась родной племянницей хозяйке этого имения П. А. Осиповой, урожд. Полторацкой.

Листок, публикацию которого мы предлагаем в настоящей заметке, записан рукой Анненкова. Первой с ним познакомилась Т. Г. Цявловская, отметившая в своем дневнике 27 мая 1931 года (к этому времени листок был привезен из Ульяновска в Москву для помещения в архиве): «Запись Анненкова со слов Керн о Пушкине подтверждает сведения о внимании Пушкина ко *всем* женщинам и девушкам Тригорского. Посвящение „Подражаний Корану“ Осиповой объясняются галантностью любовника. Рассказ с чаем и Анной Николаевной Вульф поражает

¹ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост., подг. текста и комм. В. Э. Вацура, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985. С. 404—445. (Сер. лит. мемуаров); 3-е изд. М., 1998.

² Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка / Сост., вступ. статья и прим. А. М. Гордина. М., 1989.

³ ПД. Ф. 244. Оп. 17. № 117.

цинизмом». ⁴ Подробности жизни в Тригорском всплывали в разного рода разговорах пушкинистов, в частности в связи с баней, где, по преданию, ночевал Пушкин. «Баня, — писал в своем дневнике Л. П. Гроссман, — почему здесь ночевал Пушкин; справка Цявловского о Вульфовых гаремах («волновался»)» ⁵ — здесь имеется в виду беспокойство А. Н. Вульфа, сына П. А. Осиповой, по поводу своих сестер (среди них сводная сестра А. И. Осипова (Беклешова), которая была его возлюбленной) и матери. О подобном положении свидетельствовали и слова о Пушкине Е. Н. Вревской (Вульф) в позднейшей передаче: «Мать боялась, чтобы в доме ночевал чужой мужчина. Ну и посылала его в баню, иногда с братом Алексеем Николаевичем (Вульфом). Так и знали все». ⁶ Вероятнее всего, это неукоснительно соблюдалось, когда в тригорском доме жил А. Н. Вульф. Листок «О михайловской жизни» ценен еще и тем, что показывает, как редактировались воспоминания о Пушкине самой мемуаристкой; ее поездка с Пушкиным в карете на квартиру Дельвигов в сравнении с тем, что попало в печать, — красноречивое свидетельство такого рода.

В подготовке публикации существенную помощь оказали П. Р. Заборов (прочтение и перевод французских фраз) и А. Ю. Балакин.

ОТ КЕРН (АННЫ ПЕТРОВНЫ) О МИХАЙЛОВСКОЙ ЖИЗНИ

1) Пушкин, когда ночевал в (Тригорском), ¹ то занимал комнату подле спальни Пр(асковьи) Алек(андровны) Осиповой, да и хвастался перед Анной Ник(олаевной), ее дочерью, что из матери всё может сделать. ²

2) Анна Никол(аевна) была в него влюблена, а он с ней дурачился и развращал ее: раз за чаем Керн нашла, что он хохочет, повторяя «une douce langueur», ³ — а сидевшая рядом Анна Никола(евна) была вся красная. Фраза ей принадлежала, Анна, между прочим, была колкая спорщица. ⁴

3) Евпраксия Ник(олаевна) (Вревская) тоже была влюблена в него, ⁵ после (?) и Анна Ивановна Вульф (Netty), ⁶ но к (Евпраксии) ⁷ он сам чувствовал симпатию, ибо Евпр(аксия) была более кокетка, а Netty казалась наивной.

Потом сестра ее Алек(андра) Ивановна ⁸ уже в 1827—1828 была им опять развращена — эта отдавалась так, что хочешь делай.

4) Когда Керн увезла Прасковья (Александровна) ⁹ в Ригу к мужу, то получила письмо на ее имя от Пушкина, ¹⁰ отдала его от ревности мужу, и вышла сцена. Она разволнова(ла)сь (?), ¹¹ Анну Петровну Керн отослала в Петербург, ¹² где она поселилась у (нрзб) (?), ¹³ была принята в дом к Пушкиным, где опять сошлась с Александром Пу(шкиным).

Когда Павлицев увез Ольгу Сер(геевну), то бракосочетание происходило в доме Дельвига, ¹⁴ уехавшего с женой в Харьков из ревности: он приревновал ее к Алексею Вульфу сильно. Посажеными у них были Керн и Пушкин. Отец и мать не хотели участвовать в церемонии, а дали образ Керн и отправили ее с Алек(андром Сергеевичем) в дом Дельвига. Было 30 гр(адусов) мороза. Пушкин сказал: «Dites-moi cela — nous avons une moment pour réussir (?)», ¹⁵ — и когда та не хотела, то возразил: «Il est vrai qu'il fait 30 degres et que ce n'est pas le temps des amours». ¹⁶

5) Пушкин говорил про жену перед катастрофой: «Décidément il faut engrosser ma femme pour l'envoyer à la campagne». ¹⁷ Раз, когда она кокетничала счастливо,

⁴ Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина / Изд. подг. К. П. Богаевская, С. И. Панов. М., 2000. С. 94—95; см. также запись от 4 апреля 1931 года: С. 90.

⁵ Там же. С. 287.

⁶ Гроссман Л. П. Вокруг Пушкина. М., 1928. С. 13—14. (Б-ка «Огонек»).

он стал за ней, раздвинул руки около ее стана и сказал: «Это ее последняя штучка — увезу в деревню».¹⁸

¹ В автографе ошибочно: в Мих(айловском).

² Анненков процитировал рассказ Керн, когда писал об отношении Прасковьи Александровны Осиповой (1781—1859) к поэту: «Пушкин имел на нее почти безграничное влияние» (Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 277—278). Одно из посвященных ей Пушкиным стихотворений — «Цветы последние милей...» (1825), которые Л. М. Ариштейн сближает со стихотворением «Виноград» (1824), считая, что это «два типологически близких стихотворения, намекающих на любовное чувство к немолодой женщине» (Ариштейн Л. М. Пушкин: Непричесанная биография. М., 1998. С. 80). В письме Керн к Анненкову 1859 года передан выразительный портрет Осиповой: «...рост ниже среднего гораздо (...) стан выточенный, кругленький, очень приятный; лицо продолговатое, довольно умное (...) нос прекрасной формы; волосы каштановые, мягкие, тонкие, шелковые; глаза добрые, карие, но не блестящие; рот ее только не нравился никому (...) нижняя губа так выдавалась, что это ее портило. Я полагаю, что она была бы просто маленькая красавица, если бы не этот рот» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 443). Об отношениях Прасковьи Александровны с Пушкиным в ее семье хорошо знали. Анна Николаевна Вульф в письме к нему из тверских Малинников от конца февраля — 8 марта 1826 года писала о матери: «Я в самом деле думаю, как и Анега Керн, что она хочет одна завладеть вами и оставляет меня здесь из ревности» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 268; подл. по-фр.). Интонация особой нежности проскальзывает в письмах Осиповой к Пушкину (см. об этом: Письма женщины к Пушкину / Ред. Л. П. Гроссмана. М., 1928. С. 56—57) — например: «...целую ваши прекрасные глаза, которые я так люблю...» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 349); «Я перечитываю их [письма] иногда с таким же удовольствием, какое испытывает скряга, пересчитывая накопленные им горы золота» (Там же. Т. 15. С. 65). Осипова, перед смертью приказавшая уничтожить письма к ней всех своих родных и близких, сохранила лишь письма Пушкина.

³ нежная истома (фр.).

⁴ Высказывание Керн об Анне Николаевне Вульф, старшей дочери П. А. Осиповой от первого брака, было использовано Анненковым: «Анна Вульф (...) отличалась быстротой и находчивостью своих ответов» (Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. С. 279). В записках А. В. Маркова-Виноградского (второго мужа Керн) сообщалось, со слов его жены, что с Анной Вульф Пушкин «осмеливался *вольничать*» и «написал даже стихи весьма неприличные» (Михайлова А. К., Хитрово Л. К. А. П. и А. В. Марковы-Виноградские и их окружение: По страницам «Записок» А. В. Маркова-Виноградского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 23). Здесь имеется в виду стихотворение «Увы, напрасно дева гордой...», которое вполне можно отнести к числу «злых шуток» Пушкина, отпускаясь им, по собственному признанию в письме его к Анне Вульф от 21 июля 1825 года, в ее адрес. Анненков писал, что на долю Вульф «пришлись суровые уроки, часто злое, отталкивающее слово, которое только изредка выкупалось счастливыми минутами и доверия и признательности» (Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. С. 279—281). Поведение сестры смущало Алексея Вульфа, сомневавшегося в возможности для нее хорошей партии: по его мнению, сестра Анна не умела себя вести (Вульф А. Н. Любовные похождения и военные походы: Дневник 1827—1842 / Сост. Е. Н. Строгановой, М. В. Строганова. Тверь, 1999. С. 111).

⁵ Евпраксии Николаевне Вульф, в замужестве (с 1831 года) баронессе Вревской (1809—1883), младшей дочери П. А. Осиповой от первого брака, посвящены стихотворения Пушкина «Если жизнь тебя обманет...» (1825), «Вот, Зина, вам совет: играйте...» (1826) и строфа XXXII главы пятой «Евгения Онегина». По словам М. И. Осиповой, из ее сестер в 1824—1826 годах «особенно хороша была Евпраксия» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 457). В письме от 29 сентября 1837 года Вревская признавалась А. Н. Вульфу, что она была увлечена Пушкиным, так же как и ее сестры Анна Вульф и Александра Осипова-Беклешова: «Наш приятель умел занять чувства у трех сестер, что гораздо мудренее...» (Гофман М. Л. Из Вревского архива // Пушкин и его современники. СПб., 1915. Вып. 21—22. С. 413). Вульф заметил это еще в 1828 году, когда наблюдал за сестрой, находясь в Тверской губернии одновременно с Пушкиным (см.: Вульф А. Н. Любовные похождения и военные походы. С. 66—67); намеки на увлечение Е. Н. Вульф Пушкиным в 1828—1829 годах содержатся и в воспоминаниях Е. Е. Синицыной (см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 94). Имя Евпраксии упомянуто в «Дон-Жуанском списке» поэта; обращаясь к ней в «Евгении Онегине», Пушкин писал: «Зизи, кристалл души моей, / Предмет стихов моих невинных, / Любви приманчивый фиал, / Ты, от кого я пьян бывал!» Увлечение сестрой косвенно подтвердила А. Н. Вульф в письме к Н. Н. Пушкиной от 28 июня 1831 года, говоря о ревности к ней со стороны жены поэта (см.: Лернер Н. О. Из истории сердечной жизни Пушкина: (Незданное письмо А. Н. Вульф к Н. Н. Пушкиной) // Звенья. М., 1935. Вып. 5. С. 163). В 1830-х годах Пушкин поддерживал дружеские отношения с бар. Б. А. Вревским и его женой, бывал в их имени Голубово. Во второй половине января 1837 года Вревская встречалась с Пушкиным в

